

— С «Ширли-мырли» произошла парадоксальная вещь: картина была запрограммирована на безусловный успех, а вызвала у критиков шквал нареканий...

— Я на примере этого фильма понял, что даже умные, понимающие люди страдают потрясающей слепотой. Легче всего обругать картину, обвинить ее в пошлости. Но это же фарс, жанр «низкий», площадной. Там вы можете увидеть все, что вам не нравится в жизни. Но во имя чего это делается? Если нет идеи, то пошлость пошлостью и останется. А Владимир Меньшов, мне кажется, от этого ушел, он хотел объединить людей смехом. И одновременно рассказать о болевых точках, о национальной проблеме, которая у нас действительно существует. Войны ведь идут, люди гибнут. Можно говорить об этом серьезно, а он решил — через смешное. Смех ведь тоже очищает.

— А с вами в жизни приключались трагикомические истории?

— Масса. Ну вот одна из них, связанная как раз с моим первым фильмом «Катала». Повезли его в Одессу на премьерный показ, заодно и меня взяли выступить. Я же подобного опыта тогда не имел и не представлял, что меня ждет и как себя вести. Тем более что картина-то была о преступном мире, а мой герой — уголовник, вор и шулер.

Приехали мы на Молдаванку, в известный воровской район. В зале сплошь местные «авторитеты». Я сижу рядом с киномехаником и переживаю, как они все это воспримут. Смотрю — там слезы льются настоящие, так их все захватило. Ни один человек не ушел.

А дальше — ситуация трагикомическая. Мне предстояло выйти на сцену и ответить на вопросы. И не подозревал я тогда, что для этой публики артист и его герой — одно лицо. Как им объяснить, что я не «катала», живу в центре Москвы, закончил институт и даже книжки читаю? И вот я выхожу, такой как есть, невысокого роста и довольно щуплый, а в зале внезапно раздается громкий хоровой вздох разочарования: «О-о-о!». Одеситы ведь народ открытый. Какая-то женщина выскочила на сцену и давай меня трогать. Я стою в полной растерянности, как подопытный кролик. Она же, пощупав мои мускулы, возвестила всему залу: «Да-а, не герой!». Публика встала и потянулась к выходу. Понимаете, я их вроде как надул, развеял иллюзии. Вот тогда-то я и понял, что героического во мне ничего нет.

— Говорят, вы свою жену нашли в зрительном зале.

— В общем-то, да. Мне тогда было 24 года, я заканчивал училище, и в театре Образцова мы готовились к показу наших студенческих работ. Играли, между прочим, «Алые паруса», где у меня была роль Грея. И так случилось, что в зале оказался один-единственный человек, молодой педагог-методист театра Катя Евзевич. Мне же обязательно нужны были чьи-то глаза, вот я и начал играть для нее. Это страшно поразило ее воображение, она растрогалась до слез. А я подумал: надо же, какой благодарный зритель. Так вот мы и нашли друг друга, и до сих пор вместе.

Катя меня столько раз выручала в жизни! Знаете, был период, когда я сильно пил. Это вообще как бы неизбежная болезнь актерской профессии. Актерство ведь построено на психических расстройствах, вялотекущая шизофрения такая. Нужен постоянный допинг, который многие находят в алкоголе, а потом из-за этого расстаются не только с профессией, но и с жизнью иногда. Так было с моими друзьями. Катя меня вытащила оттуда, вылечила, и вот уже шесть лет я вообще не пью. И это сказало на мне как на актере. Ведь есть вещи, которые нужно играть только на трезвую голову — «Укрощение строптивой», например, или «Ширли-мырли».

Кстати, Катя до сих пор работает педагогом в Театре Образцова, я ее даже иногда за глаза называю «Сухомлинский». Ей очень подходит эта профессия, она прекрасно разбирается в детских душах, отлично ладит с ребятами.

— А дети у вас есть?

— Дочь Ника, ей 14 лет. Я ею очень доволен. Ника — красивая девочка, в ней масса приятных качеств, которые мне так нравятся в женщине.

— Какие же, интересно?

— Она нежна, покладиста, не обладает сверхъестественным умом, который я, признаться, с трудом воспринимаю в женщине.

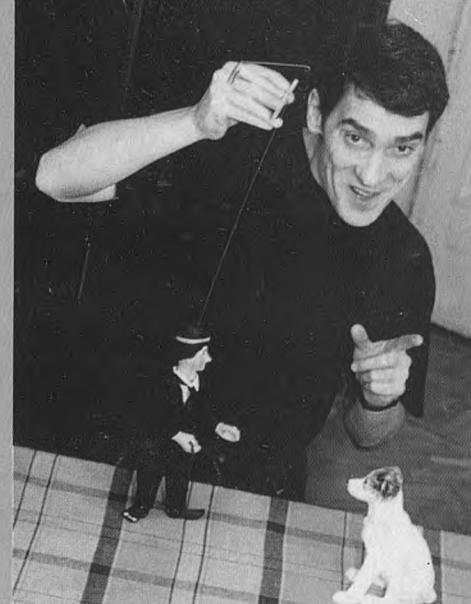
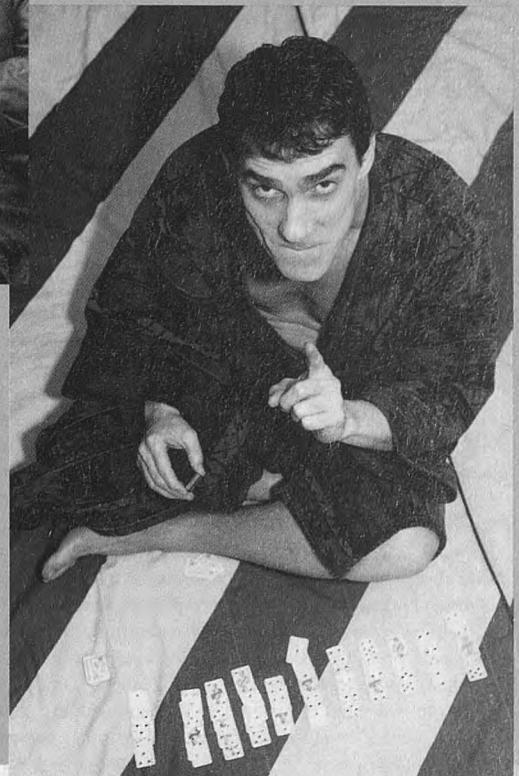
— Ника собирается пойти по вашим стопам?

— Често говоря, я бы этого не хотел. И она пока разделяет эту точку зрения, потому что видит, как мне трудно живется. А вообще, она увлекается дизайном. Может, например, очень любопытно обставить комнату. У нее есть способность к художественному осмыслению мира вещей. Мне же кажется, что именно женщины должны оформлять этот мир, делать его прекрасным.

— Вы человек везучий?

— Да, везение меня не оставляло. Я затылка Фортуны не видел, только лицо. А она — девушка симпатичная...

Ирина Алпатова

Сцена из спектакля
«Укрощение строптивой»